

Нюта Царёва

Моя
СВОДНАЯ
ОШИБКА

Нюта Царёва

Моя сводная ошибка

<https://litres.ru/74238412>

Аннотация

— Мы теперь вместе, да? — надежда в глазах сводной обжигает. — С чего вдруг? — дергаю бровью. — Ну мы же ночью, мы с тобой... — щеки Таисии заливают густой румянец. — Просто секс и ничего больше, — равнодушно пожимаю плечами. — Эта ночь была ошибкой и никогда не повторится. — Ош-шибкой? — ее голосок дрожит и срывается на слоге. — Но ты же... ты говорил... Не помню я, что нес в хмельном угаре. — Я был зол и перебрал, а тут ты такая красивая и на все согласная, — усмешка помимо воли появляется на моих губах. — Не удержался. Мой косяк, признаю. — Косяк? — она судорожно всхлипывает. — Раф... ты у меня... первый. Удар в солнечное сплетение. Я знаю и от этого еще хуже. — Ты не скажешь об этом никому. Поняла? — мой голос звучит жестко. — Если отец узнает, у меня будут проблемы. Но и твоя жизнь превратится в ад. Забудь эту ночь, иначе пожалеешь.

Содержание

Глава 1. Рафаэль	4
Глава 2. Таисия	12
Глава 3. Рафаэль	20
Глава 4. Таисия	26
Глава 5. Рафаэль	33
Глава 6. Таисия	40
Глава 7. Рафаэль	47
Глава 8. Таисия	53
Глава 9. Рафаэль	59
Глава 10. Таисия	64
Глава 11. Рафаэль	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Рафаэль

— О, Раф, — кричит Тихомир, увидев меня. — Я думал ты сегодня не придешь.

— Я тоже так думал, — бросаю хмуро, падаю на диван рядом с ним и сдвигаю наверх солнечные очки.

— Какой ты бодрый, — издевается Янис, пожимая руку. — Случилось чего?

Отмахиваюсь и откидываюсь на спинку. Спорт-бар в такое время — это странное место. Народу почти нет, пахнет чистящим средством и жареными гренками. На огромных экранах без звука мельтешат футболисты, повтор какого-то матча. Но никто его не смотрит.

За столом нас четверо. Артем Туз, развалившись на соседнем диване рядом с Янисом, громко накидывает варианты куда бы сгонять вечером, чтобы классно оттянуться. Его голос неприятно режет слух, но я не подаю вида.

— Раф, ты с нами или по своим «семейным делам»? — снисходительно тянет Тихомир, толкая меня в бок. Его ухмылка широкая и самодовольная.

— Пошел ты, — скалюсь на него и отвожу глаза к экрану. Сам ведь все знает.

Семейные дела. Какое емкое и ложное слово для обязательного визита к отцу. Не приедешь — получишь неделю

молчания, а потом часовую лекцию о сыне-предателе, забывшем, кто поставил его на ноги. Раздражение подкатывает комком к горлу.

— Ладно, сегодня же должно быть что-то интересное? — улыбается Артем и отпивает из бокала пиво. — Какой состав?

Я вздыхаю, лениво перекаत्याю язык, будто пробуя на вкус эти имена, которые мне противно произносить.

— Отец. Его кукла-жена Агата... — делаю небольшую театральную паузу, — ...и ее дочь, та самая сводная.

Тихомир фыркает, его лицо расплывается в довольной усмешке.

— Та круглая букашка, которая за тобой, как хвост бежала? А потом приперлась на вечеринку в пятнистом костюме Леди Баг! — ржет лучший друг, вспоминая детство. — Сту-качка пипец просто.

Воспоминание ударяет резко и грязно. Детское личико, восторженные глаза, вечно приставучие вопросы. Навязчивая тень в моем собственном доме, который с их появлением перестал быть моим.

— Да. Она, — мои губы растягиваются в презрительной улыбке. — Закончила свой интернат и возвращается к матери.

— Ты справишься, — Янис ловит мой взгляд и играет бровями. — Если что обращайся, я помогу.

— Спасибо, обойдусь.

Темные очки снова падают на глаза. Настроение ни к черту. Парни смеются, переключаясь на что-то другое. Их смех гремит, как гром, но до меня доходит лишь как отдаленный гул. Потому что внутри все вдруг застывает и обрывается.

Букашка — олицетворение того дня, когда все пошло под откос. И я ненавижу ее до сих пор. Тихо, молчаливо и совершенно по-взрослому бесполезно. Но, придется потерпеть пару часов.

— Ладно, хорошо вам отдохнуть, — бросаю я, поднимаясь на ноги. — Поеду на казнь.

Их смех провожает меня к выходу. А внутри, холодным и твердым камнем, лежит осознание, что я этот вечер запомню надолго.

Спустя пару часов пробок, я проезжаю по коттеджному поселку, сворачиваю к знакомым кованым воротам и нажимаю кнопку на брелоке. Они медленно, с легким скрипом, распахиваются.

Что мне здесь делать? Они — семья. Отец, его Агата, его приемная дочь. Играют в счастливую картинку, а я в ней совершенно чужой. И мне так проще. Чужим быть легче. Можно не врать и не притворяться, а просто отсидеть свой срок за семейным столом и свалить к парням отрываться.

Выхожу из машины, и воздух здесь кажется мне густым и сладким, как сироп. Даже приторным. Дом возвышается, безупречный и холодный, словно сошедший со страниц глянцевого журнала. Трава на идеальном газоне ровная и од-

ноцветная. Даже сумерки кажутся здесь подобранными под общую цветовую гамму.

Дверь открывается, прежде чем я успеваю дотянуться до звонка. На пороге Агата. Ее улыбка — это отдельный вид искусства. Широкая, ослепительно белая, с идеальной подсветкой ровных зубов, но до глаз не доходящая. В них привычная настороженность и холод. Как отец терпит эту пустышку? Но о вкусах не спорят. Тем более с отцом.

— Рафаэль! — голос звонкий, слишком громкий для этой давящей тишины. — Ты стал еще красивее. Прямо как твой отец в молодости.

Комплимент звучит глупо и странно. Да и откуда она знает, каким был мой отец в молодости?

Я делаю шаг внутрь. Пахнет полиролью и чем-то цветочным, удушающим.

— А ты все такая же... хозяйственная, — выдавливаю сквозь зубы.

Агата делает вид, что не заметила колкости. Ее улыбка лишь немного напрягается по краям.

— Ну что ты, Рафаэль. Мы так рады, что ты смог приехать. Так важно, знаешь ли, поддерживать взаимопонимание в семье. Создавать общие традиции, быть ближе... — мы идем в гостиную, ее голос течет, как медленный, сладкий сироп. Она произносит заученные фразы, вероятно, вычитанные в журнале по психологии для успешных женщин.

«Господи, да заткнись ты уже», — звучит во мне ядо-

витый внутренний комментарий. «Взаимопонимание». «Традиции». Ты разрушила все традиции, что были до тебя. Ты влезла в чужую семью и навела здесь свой жутковатый, стерильный порядок. И теперь пытаешься играть в счастливую семью, засовывая меня, как последний пазл, который все время норовит выскочить и испортить картинку.

Я молчу, окидывая взглядом стол. Белоснежная скатерть, идеально отглаженная. Хрусталь, сверкающий под светом люстры. Серебряные приборы разложены с геометрической точностью. Все кричит о богатстве, порядке и полном, абсолютном отсутствии жизни.

Тишина в гостиной становится густой, давящей, звенящей и раздражает меня все больше. За окном слышно рычание двигателя и шуршание шин на гравии. Мои плечи инстинктивно напрягаются. Сердце на мгновение замирает, потом снова начинает биться, тяжело и глухо. Приехали.

В прихожей раздаются шаги. Уверенные, тяжелые — отца. И следом — легкие, почти неслышные. Поднимаюсь на встречу.

Первым входит он. Подтянутый, в идеально сидящем кашемировом свитере. Его взгляд скользит по мне, оценивающий, мгновенно фиксирующий мою позу, мое выражение лица. Кивок. Сухой, деловой.

А за ним...

Сначала я вижу только силуэт. Высокий, гораздо выше, чем в моих воспоминаниях. Прямая, почти гордая осанка.

Светлое платье, простое, но отдающее дорогой тканью. И волосы. Русые, не по-детски густые, они свободными волнами спадают на плечи.

Она входит в свет гостиной, и у меня перехватывает дыхание. Это не та девчонка. Не та навязчивая девочка, которую мы с Тихом дразнили в детстве. Пропали пухлые щеки, открылись скулы, овал лица стал четким. Исчезла неуклюжесть, ее сменила легкая, почти хрупкая грация. Но главное взгляд стал совсем другим.

Не детский, восторженно-испуганный, который ловил мое внимание годами. И не взгляд затравленной жертвы из интерната, которую я мысленно представлял все эти годы. Спокойный, глубокий и почти невозмутимый. В нем нет ни надежды, ни страха, ни желания понравиться. Букашка смотрит на меня так, будто я... просто часть обстановки. Деталь, которую она видит не в первый раз.

В голове белый шум. Мысли путаются, насакивают друг на друга.
«Это точно она? Черт. Нет. Не может быть.»

Я чувствую, как мышцы на лице застывают в маске полного безразличия. Единственная защита, что у меня есть. Внутри же все переворачивается. Все мои готовые насмешки, весь мой сарказм, вся злость — разбиваются об этот спокойный, взрослый взгляд. Какого черта? Меня к такому не готовили.

Отец что-то говорит Агате. Она отвечает. А я не слышу ничего, кроме гула в собственных ушах. Букашка обманула

все мои ожидания. И от этого стало еще хуже.

Отец разбивает натянутую тишину своим ровным, командирским голосом. Он делает широкий жест, будто представляя деловых партнеров.

— Рафаэль, знакомься. Это Таисия. Думаю, вы давно не виделись.

Она делает легкий шаг вперед. Ее движения плавные, лишенные прежней суетливости. Взгляд все такой же прямой, без робости и заискивания.

— Привет, Раф, — говорит Букашка. Голос тихий, но четкий. Без дрожи. Без подобострастия. Просто... констатация факта.

Мозг лихорадочно ищет укол посильнее. Нужно вернуть контроль. Вернуть ее на то место, которое она занимала в моей голове все эти годы — жалкая, нелепая девочка из интерната. Слова, пропитанные ядом, вылетают сами, прежде чем я успеваю их обдумать:

— Не знал, что в интернатах делают кукол.

Я жду смущения. Испуга. Слез. Хотя что-то, что докажет, что она все еще та самая девчонка. Но она лишь слегка поднимает уголки губ. Улыбка не доходит до глаз, как и у ее матери, в них лишь легкая, почти научная любознательность, будто она изучает редкий, но весьма неприятный экземпляр.

— А ты не изменился. Все такой же... колючий.

И это спокойствие. Эта уверенность. Эта... снисходительность! Они обрушиваются на меня лавиной, от которой

кровь ударяет в виски. Внутри все закипает, ярость, белая и слепая, бьет по ребрам. Почему? Почему ее спокойствие бесит меня в тысячу раз сильнее, чем ее детские слезы? Со слезами было проще, их можно было презирать. А это... это обезоруживает. Это лишает почвы под ногами. Я готов был к бою с тенью из прошлого, а она оказалась совсем другой.

Я резко разворачиваюсь к столу, отодвигаю стул с таким скрежетом, что Агата вздрагивает. Плюхаюсь на него и откидываюсь на спинку, принимая позу полного, показного безразличия. Ледяным, скулящим тоном, глядя куда-то поверх их голов, бросаю:

— Ну что ж. Давайте начнем этот ужин, пока кто-нибудь не расплакался, как в старые добрые.

Дорогие читатели! Не забывайте добавлять книгу в библиотеку, чтобы не пропускать новые главы!

Глава 2. Таисия

Самолет делает крен, и за иллюминатором плывут знакомые огни. Не яркие, как на открытках, а размазанные по промозглой московской темноте. Я почти не дышу, вжимаясь в кресло. В груди колотится что-то острое и колющее. Не радость возвращения, а чистейший, животный страх.

Позади — пять лет. Пять лет стерильных коридоров «Царскосельского лицея для девушек» — элитного интерната под Питером, куда отправляют дочерей олигархов и министров, чтобы те не мешались под ногами. Моим единственным щитом там были книги и золотая медаль, за которую я цеплялась, как утопающая за соломинку.

Там я была никем. Девочка на попечении «того самого Старовича», без громкой фамилии и состояния. Мне было проще. Я могла раствориться в тишине библиотек, в мире строчек и рифм. Я писала стихи — робкие, наивные, щемящие — и зачитывала до дыр томики Цветаевой и Ахматовой, находя в их строках отголоски собственной тоски. Это странное, старомодное увлечение так нравилось нашей директрисе-интеллигентке, что она прощала мне мое не самое блестящее происхождение.

Но все это теперь в прошлом. А впереди... Он. Рафаэль. Мой самый страшный и прекрасный кошмар. Пальцы бессознательно сжимают подол скромного, но качественного пла-

тъя — последнего подарка отчима. Я закусываю губу до боли, заставляя себя дышать ровно. *Я больше не та влюбленная по уши девочка. Я стала старше. Сильнее. Исцелилась. Научилась прятать эмоции под слоем льда и правильных манер.*

Самолет касается шасси полосы с оглушительным ревом. Меня потрянуло. Кто-то захлопал в ладоши. А у меня в горле встает ком. Возвращение. Для кого-то — к семье и дому. Для меня — возвращение на поле боя, где я всегда была мишенью. Но теперь все иначе. Я не позволю себя ранить.

Выхожу в терминал, и на меня обрушивается сильная до тошноты звуковая волна, гулкая какофония шагов и голосов. После выдержанной, почти монастырской тишины интерната это бьет по ушам. Я чувствую себя слепым котенком, которого выбросили на улицу.

Но меня встречают. Из толпы людей ко мне пробивается мужчина в строгом костюме и с табличкой «Старович».

— Таисия Ильинична? Прошу вас. Вас ждут.

Он почтительно, но твердо берет мою сумку и прокладывает путь через суету аэропорта. Я следую за ним, стараясь держать спину прямо, как учили.

Машина ждет на стоянке. Черная, блестящая и безупречная. Сергей Михайлович, мой отчим, обнимает меня легко, по-деловому.

— Тася, как ты выросла.

Его взгляд теплый, но озабоченный. Он всегда занят, строит империю в бизнесе и семью тоже, как долгосрочный

проект.

Пока едем домой, отчим разговаривает по телефону, решая очередные важные дела, а я смотрю в окно, на проплывающие мимо знакомые пейзажи и пытаюсь настроиться на предстоящую встречу с целой эпохой своей жизни.

Машина въезжает на территорию загородного дома и останавливается. Водитель выходит и открывает мою дверь, помогая выйти.

— Ну что, пойдём? — спрашивает Сергей Михайлович.

— Да, — робко отвечаю и иду за ним следом.

Мы поднимаемся по лестнице и входим в дом. Дверь за нами закрывается с тихим щелчком, и я замираю на пороге. Воздух в доме прохладный, пахнет дорогим деревом и цветами. И напряженной, звенящей тишиной.

Сергей Михайлович проходит в гостиную, а я за ним. Вижу свой кошмар наяву.

Рафаэль... Свет падает на его профиль, подчеркивает идеальную линию скулы, слишком длинные ресницы, волевой подбородок и четко очерченные губы. Он вырос. Из угловатого подростка превратился в... мужчину. Красивого, холодного и совершенно недоступного. В нем появилась новая, пугающая уверенность того, кто знает себе цену и цену всему вокруг.

Мое сердце, предательское и глупое, делает резкий, болезненный толчок. Все те годы, что я убеждала себя, что справилась, что переросла, что он просто воспоминание, рассу-

паются в прах.

Я всегда его любила. Эта мысль жжет изнутри. Я любила того мальчишку со злым взглядом и случайными, тайными улыбками, которые он прятал ото всех. И сейчас, глядя на этого незнакомого, взрослого Рафа, я чувствую, как просыпается что-то старое и опасное.

Нет, — сурово одергиваю я себя, заставляя сделать шаг за отчимом. *Ты справилась. Это просто фантомные всполохи. Ты не позволишь ему снова себя ранить.*

Я сильна, пока он не смотрит на меня. Пока его внимание приковано к отцу. Я могу дышать. Могу заставить свое лицо не выдать ничего, кроме вежливой, отстраненной учтивости.

Но потом Раф поднимает глаза. Его взгляд скользит по мне — медленный, тяжелый, оценивающий. Без интереса. Как будто я экспонат в музее, который он не хочет, но вынужден рассматривать. В этом взгляде нет ни капли тепла.

И в этот момент я понимаю с ледяной ясностью: да, я справилась с той детской, восторженной любовью. Я похоронила ее где-то глубоко.

Но я не справилась с *ним*. Потому что его молчаливое презрение, его полное, абсолютное безразличие быют сильнее, чем любые насмешки. И крепость, которую я так долго строила, дала трещину от одного лишь его взгляда.

Сергей Михайлович нарушает тишину своим ровным, уверенным голосом.

— Рафаэль, знакомься. Это Таисия. Думаю, вы давно не

виделись.

Я делаю маленький шаг вперед. Пять лет в интернате научили меня двигаться плавно, без суетливости. Я смотрю на него прямо. Без восторга. Без страха. Просто смотрю.

— Привет, Раф.

Мой голос звучит тихо, но четко. Без дрожи. Я тысячу раз репетировала эту встречу в голове. Готова была ко всему. Почти ко всему.

— Не знал, что в интернатах делают кукол.

Слова падают, как камни. Я чувствую, как по спине пробегают холода, но лицо спокойно. Я ждала этого. Ждала насмешки. После пяти лет изысканной, отточенной вежливости его грубость звучит особенно громко и по-варварски ярко.

Я позволяю себе лишь легкую, едва заметную улыбку.

— А ты не изменился. Все такой же... колючий.

Я вижу, как его глаза сужаются.

Рафаэль резко отодвигает стул. Скрип железа по паркету заставляет всех вздрогнуть. Он плюхается на место и откидывается на спинку, всем видом показывая, как ему скучно и противно все это.

— Ну что ж. Начнем этот ужин, пока кто-нибудь не заплакал, как в старые добрые.

Воцаряется абсолютная, гробовая тишина. И в ней я сижу с идеально прямым позвоночником, с нейтральным выражением лица, а внутри у меня все дрожит. Звук моей вилки,

задевающей край тарелки, кажется оглушительным выстрелом. Я стараюсь дышать ровно, смотреть прямо перед собой, но чувствую на себе его взгляд — тяжелый, оценивающий, пропитанный скукой и раздражением.

Сергей Михайлович откашливается, нарушая тягостное молчание. Он поднимает бокал.

— Ну что ж. Выпьем за Тасю. За ее возвращение. И за золотую медаль. Горжусь тобой, дочка.

Я чувствую, как по щекам разливается краска. «Дочка». Это слово всегда звучало для меня как награда. Но сейчас оно обжигает, потому что следом я вижу, как кривится Раф. Он лениво покручивает свой бокал, не поднимая его.

— Да уж, — произносит растянuto, и его голос звучит как скрежет по стеклу. — В интернатах теперь не только манерам, но и наукам учат. Оценки из жалости ставили или за бабки отца?

Воздух выстреливает из моих легких. Каждое слово — точно ножом. По старой, детской привычке, внутри все сжимается, просится в слезы. Но я лишь сильнее сжимаю пальцы на коленях, заставляю губы сохранять нейтральное выражение. *Не подавай вида. Ни за что.* Он всегда умел делать больно. Всего одним словом.

Моя мама, поспешно пытается сменить тему.

— Тася, милая, а куда ты хочешь поступать? — ее голос звучит неестественно бодро.

Я открываю рот, чтобы ответить, но Сергей Михайлович

мягко, но твердо перебивает.

— Это уже решено. Тася будет учиться в одном университете с Рафаэлем.

Словно гром гремит в тишине. Раф резко откидывается на спинку стула, его лицо искажается гримасой отвращения.

— Ты серьезно? Пап, ты с ума сошел? Она будет шлаться за мной по всему универу?

— Рафаэль! — голос отчима становится стальным, без единой нотки возражения. — Все решено. Это не обсуждается.

Я вижу, как сжимаются скулы сводного, как бушует в нем ярость. Он ненавидит, когда его планы рушатся. Но против воли отца бессилен. Сдается, вздергивая подбородок с видом полного презрения.
— Ладно. Мне вообще все равно. Главное, фамилии у нас разные. И я позабочусь о том, чтобы никто не догадался, что мы хоть как-то знакомы.

Казалось бы, на этом можно выдохнуть. Но Сергей Михайлович лишь усмехается, доливая себе вина.

— Ошибаешься. Вы будете очень близко знакомы. Нам с мамой срочно нужно в Женеву. На два-три дня. Так что поживешь с Тасей здесь и поможешь освоиться, съездишь в универ, покажешь город. Девчонка ничего не знает в Москве.

Время останавливается. Мое сердце рушится куда-то в ботинки. Мы смотрим друг на друга — я с открытым ужасом, он с чистой, неподдельной ненавистью. И выдыхаем в уни-

сон:

— Что?

— Когда мы вернемся, все обсудим, — отчим машет рукой, как будто только что сообщил о прогнозе погоды.

Рафаэль вскакивает так резко, что его стул с грохотом опрокидывается на пол. Его лицо бледнеет от ярости.

— Этого не будет. Вы слышите? Никогда. Я не буду жить с этой... — он задерживается на секунду, и я мысленно уже слышу это слово, старое, болезненное, — ...Букашкой.

Он разворачивается и выходит, громко хлопнув дверью.

— Рафаэль, вернись! — рявкает отчим и идет за сыном.

А я остаюсь сидеть, глотая воздух, чувствуя, как глаза щиплет от подступивших слез. Но я не позволю себе плакать из-за него. Больше никогда!

Глава 3. Рафаэль

Полгода не курил, а сейчас приперло. Да так, что снесло к чертям все данные себе обещания. Стрельнул у охранника сигарету и прикурил. Темный асфальт блестит под светом уличного фонаря, отражая желтое марево. Затягиваюсь сигаретой, глубоко и нервно, чувствуя, как едкий дым обжигает легкие и на секунду приглушает хаос внутри. Еще одна затяжка, еще одна попытка взять под контроль эту ярость, что скрутила все внутренности в тугой, болезненный узел.

Прикрываю глаза. Прошло столько лет. Я не видел эту девочку вечность. Она уехала из отцовского дома учиться в какую-то спецшколу и приезжала только иногда на каникулах. А я в это время старался не отсвечивать. Но злость никуда не делась. Совсем. Не угасла ни на процент. Она поднимается откуда-то из самого низа, из пяток, горячей и едкой волной. Она обжигает горло, заставляет пальцы сжаться в кулаки.

Сводная никогда не была просто девочкой. Для меня она всегда была символом. Точным, ясным, ненавистным символом краха. Появления там, где я был единственным. Чужого смеха в доме. Посягательства на моего отца, на мое пространство, на мое спокойное детство, которое она своим появлением взяла и разрушила.

В голову лезут картинки. Я не звал их, они приходят сами, наглые и яркие. Самое яркое и жгучее воспоминание. Вечер

в гостиной. Отец в своем кресле. Агата, его «кукла», сидит на подлокотнике, обняв его за плечи. Она смеется, запрокинув голову, а он смотрит на нее снизу вверх таким взглядом... Таким, каким никогда не смотрел на мою мать. А я стою в дверях, и мне холодно от осознания происходящего. А потом комната матери. Полутемная. Мама молча, с каменным лицом, складывает платья в чемодан. Одно за другим. Не плачет, но и не смотрит на меня. А мне страшно и горько. И этот стук молнии по зубам чемодана, словно отсчет времени до конца всего.

— Я же просил не курить, — раздается из-за спины знакомый, ненавистный в этот момент голос.

Не оборачиваюсь и не прячу сигарету. Сейчас мне плевать на его просьбы и его мнение. Слишком зол, чтобы оправдываться.

— Я не буду здесь жить, — говорю я, так и не оборачиваясь. — Это даже не обсуждается. У меня вся жизнь в городе. Квартира, друзья, дела. А этот дом — музейный экспонат. Склеп.

Отец медленно вращает бокал в руке. Его спокойствие бесит больше крика.

— Твоя «жизнь» финансируется мной. И пока это так, твое место там, где я скажу.

Я резко поворачиваюсь к нему, и пепел с сигареты опадает на землю.

— Чтобы что? Устраивать вечеринки для твоей новой се-

мьи? Прикидываться счастливым ее членом? Нет уж.

— Речь не о вечеринках. Речь о поддержке. Тася не знает города. Она растеряется.

— Найми ей сопровождающего! Няньку! Телохранителя! У тебя денег хватит.

Отец ставит бокал со стуком. Его взгляд становится жестким, тем самым, который я ненавижу с детства. Взглядом человека, привыкшего, что его слово закон.

— Ты ведешь себя как капризный ребенок, Рафаэль. Эгоистичный и избалованный.

— Это мое право — не хотеть жить в этом месте еще и с незнакомым человеком!

— Это ваш дом, а она не незнакомка! Она твоя сестра!

Мы смотрим друг на друга в упор.

— Она дочь твой куклы! — Я глубоко затягиваюсь и бросаю окурок под ноги, затапывая его. — Пусть это будет только ее дом.

Я вижу в глазах отца не просто гнев. Вижу решение. Холодное, железное.

— Хорошо, — говорит он тихо. — Тогда она проживет в твоей квартире в городе.

В голове на секунду все белеет от ярости.

— Что? Нет. Ни за что. Ты с ума сошел? Это моя территория!

— Именно поэтому. Ты покажешь ей город, поможешь освоиться. Это окончательно.

Я чувствую, как сжимаются кулаки. Но я также чувствую под ногами зыбкую почву. Его деньги. Моя свобода. Моя крутая тачка, моя квартира в башне, моя беззаботная жизнь — все это висит на тонкой ниточке его одобрения. Я завишу от него. Черт возьми, как я это ненавижу. Но сам из себя пока не представляю ровным счетом ничего.

Приходится выбирать из двух зол. Два дня ада здесь, под присмотром его камер, или этот же срок в моем собственном пространстве, но с Букашкой по близости.

— Ладно, — выдыхаю я, сдаваясь. Это слово обжигает горло. — Но только на пару дней. Не больше. Я не нянька и не собираюсь никому утирать сопли.

Уголки губ отца дергаются в подобии улыбки. Он добился своего.

— Договорились.

Мы возвращаемся в гостиную. Напряжение висит в воздухе, как туман. Я смотрю на Таисию. Она смотрит на меня. Большие глаза, в которых я читаю тот же ужас, что и у меня.

— Ты едешь со мной, — бросаю я ей, даже не пытаюсь смягчить удар.

Она непонимающе моргает.

— Куда?

— Ко мне. В квартиру.

Агата встревоженно поднимается.

— Но Сергей, я не думаю...

Отец одним жестом затыкает ее. Решающим.

— Тебе и не нужно. С Рафаэлем она будет в безопасности.

А эта... Букашка. Она просто поджигает губы и отводит взгляд. Ни протеста, ни слова. Как всегда. Она вообще не умеет сопротивляться. Вечная ведомая.

Ужин заканчивается в гробовой тишине. Ее убогий чемодан перекладывают в багажник моей Бэхи. Букашка садится в салон, прижимаясь к дверце, будто боится ко мне прикоснуться.

Я резко трогаюсь с места, вдавливая ее в кресло. Горячая злость неприятно бьет в виски.

— Чтобы ты сразу поняла, — говорю я, не глядя на сводную. — Я не собираюсь с тобой возиться. Ни водить за ручку, ни развлекать. Ты — проблема моего отца, а не моя. Уяснила?

В ответ тишина. Я бросаю на нее взгляд. Тася смотрит в окно на несущиеся огни, ее лицо абсолютно спокойно. Она меня вообще не слушает? Игнорирует?

От этого я злюсь еще сильнее. Кажется, сейчас взорвусь.

Мы приезжаем к моему дому. Подземная стоянка. Я грубо выдергиваю ее чемодан из багажника. Легкий, могла бы и сама донести.

Поднимаемся на лифте на двадцатый этаж в гробовой тишине, перед глазами стремительно удаляющаяся земля и красивый ночной город. Обожаю этот лифт с прозрачной стеной, а Букашка, судя по все всему не оценила. Вжалась в стену и почти не дышит.

Мысленно усмехаюсь, первым выхожу из лифта и иду к квартире. Открываю дверь, закидываю чемодан в прихожую.

— Вторая дверь направо. Свободная комната. Не трогай мои вещи.

Разворачиваюсь к выходу и открываю дверь.

— Ты куда? — ее тихий голос останавливает меня.

Я оборачиваюсь. Наши взгляды встречаются и воздух начинает трещать от напряжения.

— Тебя это не касается.

Я выхожу из квартиры и с силой хлопаю дверью, отсекая себя от всего этого кошмара. Достая телефон и нажимаю кнопку лифта. Пальцы сами набирают сообщение в общий чат:

«Я в городе. Где в итоге тусите?»

Глава 4. Таисия

Двигатель рычит где-то глубоко под капотом, а я прижимаюсь к холодному стеклу, стараясь занять как можно меньше места. От Рафа исходит жар, почти осязаемый, как волны от раскаленной плиты. Он смотрит прямо на дорогу, его пальцы мертвой хваткой держат в руль.

Резкий запах дорогого парфюма, кожи и злости заполняет салон, им тяжело дышать.

— Чтобы ты сразу поняла, — голос режет тишину, холодный и ровный, Рафаэль даже не поворачивает голову. — Я не собираюсь с тобой возиться. Ни водить за ручку, ни развлекать. Ты — проблема моего отца, а не моя. Уяснила?

Я не отвечаю. Смотрю в окно на размазанные в дожде огни чужого, незнакомого города. Мое сердце колотится где-то в горле, и я боюсь, что, если хоть чуть-чуть шевельнусь или издам звук, оно выпрыгнет и упадет к его ногам. Жалкое, дрожащее.

Раф бросает на меня быстрый, колкий взгляд. Его злость, кажется, становится еще гуще. Он давит на газ сильнее, и меня вжимает в кресло.

Остаток пути проходит в оглушительном грохоте мотора и звенящем молчании.

Машина взлетает на подземный паркинг и резко тормозит. Рафаэль выключает зажигание, и тишина обрушивается

на нас внезапно и тяжело. Он выходит, не оглядываясь, хлопает дверью. Неловко выбираюсь из низкой машины, чувствуя себя пришельцем.

Брат грубо выхватывает мой чемодан из багажника и, не предлагая помощи, идет к лифту. Плетусь следом, стараясь не отставать.

Лифт — огромная капля из полированного стекла и хромированного металла. Раф нажимает кнопку, и двери бесшумно смыкаются. Я невольно отступаю к глухой стене, прижимаюсь к ней спиной. Сердце замирает, а потом начинает колотиться с новой силой, но теперь уже не от страха, а старого, детского ужаса.

С противоположной стороны, во всю стену прозрачное стекло. А за ним пропасть. Город уходит вниз, уменьшаясь в ядовитых огнях, машины превращаются в точки. Мы взлетаем все выше и выше. Ноги становятся ватными, в висках стучит, ладони становятся ледяными и влажными. Я закрываю глаза, но от этого только хуже, начинает кружиться голова, теряется опора. Я снова чувствую себя той маленькой девочкой, которая замерла на середине пожарной лестницы и не могла сделать ни шагу.

Глупо и беспомощно зажмуриваюсь, стараясь дышать глубже, но воздух не идет. Стыдно. Сводный наверняка все видит, замечает мою бледность и то, как я вцепилась в металлический поручень.

Лифт, наконец-то, плавно останавливается. Я открываю

глаза и вижу отражение в стекле Рафаэля. Смотрит на меня с холодным, немного отстраненным любопытством, словно на странное насекомое. Ни капли сочувствия. Только легкое презрение.

Двери открываются. Он выходит первым, не оглядываясь. Я на ватных ногах следую за ним. Брат ставит мой чемодан в прихожую огромной, пустынной квартиры. Отсюда, с высоты двадцатого этажа, через панорамное окно в кухне-гостиной виден весь этот чужой, огромный и безразличный город. От одного этого вида снова подкатывает тошнота. Я отворачиваюсь.

— Вторая дверь направо. Свободная комната. Не трогай мои вещи, — он бросает это через плечо и разворачивается к выходу.

И я не выдерживаю. Тихий, почти детский вопрос вырывается сам собой:

— Ты куда?

Он оборачивается. Его взгляд скользит по мне сверху вниз, быстрый, оценивающий.

— Тебя это не касается.

Дверь с грохотом захлопывается. Звук такой громкий и окончательный, будто сводный только что выпустил в меня пулю. Я остаюсь стоять посреди громадной чужой прихожей, прислушиваясь к гулу в ушах и собственному бешено колотящемуся сердцу. Ноги все еще дрожат от высоты.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох, стараясь не смот-

реть в сторону окна. Пахнет тоской, чужим парфюмом и моим страхом.

Я осторожно открываю дверь в свою временную комнату. Все здесь идеально, стерильно, как в гостиничном номере. Ни одной лишней вещи, ни одного намека на чью-то жизнь. Мягкий ковер, нейтральные стены, строгая мебель. Все кажется холодным, чужим, несмотря на кажущийся уют.

Но воздух... Воздух пропитан им. Узнаваемые ноты дорогого парфюма — древесины, бергамота и чего-то острого, колкого — витают повсюду, будто впитались в самые стены. Я делаю вдох, и от этого знакомого, но абсолютно чуждого запаха по спине бегут мурашки. Одновременно трепет и ужас. Будто я вторглась в самое логово зверя.

Зачем сердце так сжимается? Это же всего лишь квартира. Его территория. Его запах. Его мир, где для меня нет места. Я здесь случайный гость, непрошенный, лишний. Дышу его воздухом, и он меня отравляет.

Ухожу в ванную и поворачиваю ключ в замке, слышу тихий щелчок. Барьер. Хилый, но хоть какой-то. Потом включаю воду в раковине. Она шумит, шипит, заглушая предательские всхлипы, которые уже подступают к горлу. Беззвучные, судорожные рыдания вырываются наружу. От них неприятно сводит живот.

В зеркале над раковиной вижу незнакомое лицо. Заплаканные глаза, красный нос, слезы оставляют блестящие дорожки на щеках. Жалкая, слабая, та самая маленькая девоч-

ка, которой снова страшно.

Нет. Нет.
 Я с силой провожу ладонями по лицу, стирая влагу.
 Ты справишься. Ты не та маленькая девочка. Ты другая. Ты пережила большее. Переживешь и это.
 Еще один глубокий, прерывистый вздох. Еще один. Сердцебиение понемногу утихает.

Я умываюсь холодной водой и вытираю лицо насухо, поднимаю подбородок и расправляю плечи. Выхожу из ванной с высоко поднятой головой, даже если внутри все сжалось в один сплошной болезненный комок.

На кухне царят хром и глянec. Я стараюсь не смотреть в сторону огромного панорамного окна, за которым чернеет бездна и мерцают чужие огни. Включаю электрический чайник. Он гудит, нарушая гнетущую тишину. Звук закипающей воды, мое ровное, нарочито спокойное дыхание. Больше ничего.

Завариваю чай, пальцы чуть дрожат, когда беру кружку. Возвращаюсь в комнату, плотно закрываю дверь. Заворачиваюсь в мягкий, безликий плед, открываю книгу. Слова сначала плывут перед глазами, не складываясь в смысл. Я заставляю себя читать, потому что это всегда помогает. Строчка за строчкой, страница за страницей, пока мир за пределами этой комнаты, за пределами этих страниц, не перестает существовать. Читаю, пока глаза не начинают слипаться, а сознание отключаться, уходя от реальности в вымышленный мир.

Проваливаюсь в тяжелый, беспокойный сон, но меня будят голоса.

— Фак, что за херня? — хриплый голос Рафа и невнятный шум. Судя по всему, обо что-то споткнулся.

— Туфли-то женские. Ты не один живешь? — этот голос принадлежит девушке. Невольно покрываюсь мурашками.

— Да какая нахрен разница!

Раздаются шаги в коридоре, а следом женский смех. С каждой секундой становится громче, навязчивее. Сердце замирает, а потом начинает колотиться, выскакивая из груди. Я замираю в темноте, вся превратившись в слух.

Чья-то рука неуклюже толкает мою дверь, та распахивается и с глухим стуком бьется о стену. Я вжимаюсь в матрас, задерживаю дыхание, сердце перескакивает выше и колотится где-то в горле. Сейчас войдут? Увидят меня?

— Не туда, — слышится сдавленный рык Рафаэля. Шаги отдаляются. Дверь напротив распахивается и с силой захлопывается.

Тишины больше нет. Ее разрывают приглушенные стоны, скрип кровати, чужие голоса. Звуки кажутся невыносимо громкими, проникающими сквозь стены, они заполняют собой всю комнату, всю мою голову.

Я сжимаюсь в комок, зажимаю ладонями уши, пытаюсь заглушить их. Но это бесполезно. Каждый звук отзывается внутри меня едким стыдом, острой, физической болью и слепой, бессильной злостью. На сводного и на себя. За то, что

лежу здесь, прислушиваюсь. За то, что мне не все равно. За то, что все еще не научилась не чувствовать.

Скручиваюсь еще сильнее, пытаюсь стать совсем маленькой, невидимой, надеясь раствориться в тишине внутри себя. Но звуки продолжают доноситься. И стыд прожигает меня насквозь.

Глава 5. Рафаэль

Музыка бьет по барабанным перепонкам, вышибая все мысли разом. Идеально для меня. Именно то, что нужно. «Элизиум» — дорогой, пафосный клуб, где за большие деньги тебе гарантируют забвение. Любой каприз, который только пожелаешь.

Окидываю взглядом пространство, находя глазами своих. Чисто мужская компания. Даже Тихомир, который в последнее время обычно прилипший к Илиане, сегодня один. Сидит, потягивает виски и смотрит на танцпол с видом философа.

— А где твоя половинка? — ору я ему прямо в ухо, перекрывая бас.

Тих пожимает плечами.

— Воробушек сегодня чирикает с подружками. Отпустил полетать.

Янис у бара пьет какой-то многослойный коктейль, изучает его, как ученый. Туз и Пашка уже обложились местным «богатством» — две блондинки висят на них и совсем не против, чтобы их потискали. Все как обычно.

А я чертовски взбешен. До самого горла. Злость, густая, едкая, как смог, не уходит, сколько ни лей в себя вискарь. Она словно обходит алкоголь стороной. Я пью, а трезвость становится только острее, ядовитее. Каждая деталь этого ве-

вчера режет по нервам.

Тих пододвигается ближе, его внимательный взгляд буравит меня.

— Раф, ты какой-то загруженный. Что случилось? С отцом опять поцапались?

Я залпом допиваю свой стакан, с силой ставлю его на столик и вываливаю на друга все. Про склеп и «семью» отца. Про ультиматум и то, что теперь у меня дома сидит эта Букашка, которую я должен водить за ручку по городу.

Тих молча слушает, кивает. В конце сочувственно хлопает меня по плечу.

— Два дня, братан. Всего два дня. Потерпи и спишешь ее с рук.

В этот момент у него в кармане звонит телефон. Он смотрит на экран, и его лицо мгновенно меняется. Глаза теплеют, на губах появляется тупая улыбка. Я лишь закатываю глаза, прекрасно все понимая.

— Извини, это срочно. — Он уже встает, прикладывая трубку к уху. — Да, Воробушек, я уже выезжаю.

Он бросает нам «удачи» и двигает к выходу.

— Ну все, потеряли мужика! — ржут ему вслед парни. — Окончательно стал каблуком!

Тихир разворачивается и поднимает средний палец, прежде чем окончательно раствориться в толпе.

Я чувствую, как закипаю еще сильнее. От тупого гогота, от этой всей ситуации, от своего бессилия. Мне нужно забыть-

ся, прямо сейчас. Вырубить этот проклятый день, стереть из памяти образ этих огромных, испуганных глаз, что смотрели на меня через отражение в лифте.

Мысленно матерюсь и пускаюсь во все тяжкие. Еще вискаря, и еще. Пока мир наконец не начинает плыть, теряя резкие очертания. Замечаю одну рыжую. С дерзкой улыбкой. Пару фраз, пара стаканов, и мы уже в такси, летим ко мне. Я почти ничего не соображаю, только помню цель — добить ярость в постели.

Я напрочь забыл про Букашку. Вспоминаю только когда, входя в прихожую, спотыкаюсь о ее туфли, скромно прижатые к стене.

— Фак, что за херня?

— Туфли-то женские, — хмыкает рыжая, имени которой я так и не запомнил. — Ты не один живешь?

В голове на секунду проносится: «А, точно...» — и тут же тонет в алкогольном тумане.

— Да какая нахрен разница!

Утягиваю с собой в комнату. Она неуклюже толкает первую попавшуюся дверь, та с глухим стуком бьется о стену. Фак!

— Не туда, — сдавленно рычу и тащу рыжую в свою спальню.

Вроде все идет по плану, но чем дальше, тем больше во мне что-то ломается. Мозг упрямо выдает картинку, что за стеной Букашка. Сидит и слушает. Эта мысль, как ледяной

душ, гасит весь пыл. Да и пьян я уже до состояния овоща. Догнался изрядно.

Пытаюсь через силу, из упрямства, но тело не слушается. Ничего не получается. Полный швах.

— Все, — хрипло говорю я, откатываясь на спину и закрывая глаза ладонью. — Сегодня я пас.

Девушка что-то ворчит, обиженно сопит, но мне уже плевать. Мир кружится, плывет. Я проваливаюсь в какое-то черное, пьяное марево, где нет ни отца, ни его семьи, ни этой тихой, ненавистой Букашки за стеной.

Но утро все равно наступает. И, судя по ощущениям, прямо на меня. В голове туман, тяжелый и липкий, будто кто-то налил в черепную коробку свинца. Горло пересохло до хрипоты, каждый стук сердца отдается молоточком в висках. Награда за вчерашнюю слабость. Лежу с закрытыми глазами, пытаюсь собраться с мыслями, и тут доносится приглушенный, но отчетливый звон бьющегося стекла.

Черт.

Я с трудом открываю веки. Рядом, зарывшись носом в подушку, спит та самая рыжая. Морщусь, зачем, блин, вообще ее тащил сюда? Очередная «гениальная» идея. С трудом отдираю себя от простыни и выбираюсь из постели. Голова кружится. В одних трусах бреду по направлению к кухне — пить хочется адски.

В воздухе витает запах кофе. Свежего, насыщенного. И тут до меня доходит: звон... кофе... Кто-то здесь есть, а я в

трусах. Но у себя дома, поэтому плевать.

Я останавливаюсь в дверном проеме. На кухне Букашка. Она наклоняется, аккуратно собирает в совок осколки разбитой чашки. Поднимает голову и наши взгляды сталкиваются.

Сводная замирает. Медленно рассматривает мой обнаженный торс, нервно сгладывает и отводит глаза в сторону. А я в это время успеваю ее разглядеть. Сегодня она не та перепуганная Букашка из лифта. Волосы собраны в небрежный хвостик, на ней какие-то простые домашние шорты и футболка. Выглядит... мягче. Или это у меня еще зрение с похмелья плывет.

— Прости, я не специально, — тихо говорит она, указывая взглядом на осколки.

— Чего? — хмурюсь я, голова раскалывается, соображаю с трудом.

— Чашку разбила...

— Да хрен с ней, — отмахиваюсь я и, наконец, добираюсь до раковины.

Открываю кран, наклоняюсь и пью прямо оттуда. Долго, жадно, пока холодная вода не начинает гасить пожар внутри. Немного отпускает.

Вытираю рот тыльной стороной ладони и оборачиваюсь. Букашка все еще смотрит на меня, будто ждет чего-то.

— Я завтрак приготовила, — произносит она, слегка запинаясь. — Ты хочешь?

Смотрю на нее, на эту наигранную, наверное, попытку быть полезной. В голове стучит: «Не ведись. Не надо».

— Прогиб не засчитан, Букашка, — хмыкаю я и качаю головой. — Но от кофе, пожалуй, не откажусь.

Разворачиваюсь и иду в ванную. Пора приводить себя в порядок. Контрастный душ бодрит, прочищает мозги. Вода смывает пот и остатки вчерашнего марева. Мысли про сводную лезут в голову сами собой. Возмутительница спокойствия. Нарушает весь мой привычный уклад. Но черт... Может, я и правда перегибаю палку? Она же не виновата, что мой отец придурок. Надо как-то смягчить ситуацию. Хотя бы для видимости.

Заворачиваюсь в полотенце на бедра и выхожу. На кухне Букашки уже нет. Зато есть моя ночная «нимфа». Пристроилась на барном стуле, пьет мой кофе. У меня невольно дергается глаз и сводит челюсть от такой неоправданной наглости.

— Ну наконец-то, — мурлыкает она, увидев меня, и тянет руки, чтобы обнять. — Я уж думала, ты там утонул.

Я останавливаюсь в паре шагов, холодея.

— Ты все еще здесь?

— Мы не закончили вчера, — она делает томные глаза, которые сейчас вызывают у меня только раздражение.

— Всего хорошего, — фыркаю я, проходя мимо нее к шкафу за таблетками. — Выход найдешь сама.

— Ты охренел? — ее голос мгновенно теряет томность и

становится визгливым. — Да я тебя...

— Свали нахрен, — обрываю я, даже не оборачиваясь. Наливаю в стакан воды, бросаю туда пару шипучих таблеток. — И без тебя тошно.

Слышу, как она что-то бормочет себе под нос и срывается с табурета. Через секунду входная дверь с грохотом захлопывается.

Тишина. Наконец-то. Выпиваю залпом шипучку, а чашку с кофе бросаю в раковину. Надо немного прийти в себя и решить, что делать с навязанной сводной.

Ухожу в комнату и падаю на кровать. Вот так, уже хорошо. Еще пару часов сна и... Едва прикрываю глаза, как на тумбочке вибрирует телефон. Ну какого... кому я понадобился в такое время.

Открываю всего один глаз и смотрю на экран, рассчитывая смахнуть вызов и отключить нахрен этот мешающий спать элемент. Но что-то явно идет не так, на экране высвечивается номер отца. Ну все, пипец. Букашка взялась за старое и стуканула...

— Доброе утро, отец, — обреченно говорю я в трубку.

Дорогие читатели! В разделе "ОБО МНЕ" есть ссылки на соцсети. В них публикуется много интересного материала о героях моих книг, а так же живые визуалы. Подписывайтесь, если вам интересно узнать немного больше о жизни героев и автора
<https://litnet.com/shrt/Sm90>

Глава 6. Таисия

Забираюсь с ногами на кровать и беру вчерашнюю книгу. Пытаюсь читать, вчитываюсь в одни и те же строчки раз за разом, но слова не складываются в смысл. Мысли где-то далеко. Из-за стены доносятся приглушенные голоса. Раф, потом ночной девушки на повышенных тонах, все заканчивается хлопком двери. Похоже, Рафаэль остался один. Мне неловко, я стараюсь не вслушиваться и глубже уткнуться в книгу, но не получается.

На телефоне висит сообщение от мамы:

«Как ты? Все хорошо?»

Я быстро печатаю ответ:

«Да, все в порядке. Не волнуйся».

Лгу, но что я могу ей сказать? Что я боюсь лифта в этом небоскребе? Что мой сводный брат ненавидит меня и привез сюда на ночь девушку? Нет. Пусть думает, что все складывается идеально.

Внезапно дверь в мою комнату с силой распахивается, без стука. Я вздрагиваю и роняю книгу. На пороге стоит Рафаэль, прислонившись к косяку, и хмуро смотрит на меня.

— Собирайся, — бросает он резко.

Сердце замирает. Что я сделала не так?

— Куда? — вырывается у меня испуганный вопрос.

— В универ.

Облегчение сменяется недоумением.

— Как? Зачем? — лепечу я, сжимая край одеяла.

— Отец сказал, тебя там ждут с документами. Сейчас, — его голос не терпит возражений. Он говорит, как отбарабаивает заученную фразу.

— Хорошо. Я могу сама... — пытаюсь я предложить, чтобы избавить нас обоих от этой пытки.

— А мне приказано сопровождать, помочь и провести экскурсию, — паясничает он, кривя губы в ухмылке. Чувствуется, что каждое слово дается ему с трудом.

— Ты за рулем?

Он фыркает, будто я сказала нечто невероятно глупое.

— Вот еще, такси вызову. А то с таким выхлопом каждый гаишник мой.

Не дожидаясь ответа, он разворачивается и уходит, оставив дверь открытой. Я заставляю себя двигаться. Быстро заправляю кровать, надеваю первое, что кажется более-менее подходящим — темные джинсы и простой свитер, собираю волосы в хвост. Документы уже лежат в папке на столе. Я беру их дрожащими пальцами.

Спустя десять минут выхожу в коридор. Раф ждет, прислонившись к стене и нервно перебирает ключи в руке. На глазах темные очки, хотя мы в помещении. От него пахнет мятной жвачкой и дорогим парфюмом, который не может перебить легкий запах вчерашнего.

— Поехали, — бросает коротко и открывает дверь.

Я иду следом, как приговоренная. Останавливаемся перед тем самым лифтом, мои ладони моментально становятся ледяными и влажными. Двери открываются, я делаю шаг внутрь и прижимаюсь к глухой стене, стараясь дышать ровнее.

Раф заходит спокойно, нажимает кнопку. Он смотрит на панораму города за стеклом, абсолютно расслабленный, даже не дергается, когда пол уходит из-под ног, а желудок проваливается в пятки. Мне кажется, я вот-вот закричу от ужаса. Вся жизнь, кажется, проносится перед глазами. Я закрываю глаза и считаю секунды, пока мы несемся вниз.

В такси едем молча. Рафаэль утыкается в телефон, я смотрю в окно, пытаюсь унять дрожь в коленях. Наконец, мы останавливаемся перед огромным, солидным зданием, в котором мне предстоит учиться.

Раф расплачивается и выходит. Он явно раздражен, но, кажется, из последних сил старается этого не показывать. Мы входим в просторный, шумный холл. Сводный с кем-то здоровается, кому-то кивает, обменивается парой небрежных фраз. Яркая, уверенная в себе девушка с идеальным макияжем строит ему глазки, скользя взглядом по мне с легким недоумением. Мне становится жарко и не по себе. Я чувствую себя серой мышкой, затерявшейся в мире ярких, чужих людей.

Поднимаемся в деканат на лифте — к счастью, тут он обычный, без стеклянных стен. Раф указывает жестом на

дверь.

— Тебя ждут там.

Я делаю глубокий вдох и захожу. Отдаю секретарше документы. Милая женщина в очках удивленно поднимает брови.

— На какой факультет вы хотите? А, подождите... — она находит что-то в списке на компьютере. — Вот, тут стоит отметка. Куда Лев Борисович направил. Давайте документы, я все оформлю.

Она забирает папку, а я выхожу к Рафаэлю, но в коридоре никого нет. Он ушел... А как же я?

Стою посреди шумного коридора, словно столб, в который воткнули молнию. Полная растерянность и недоумение. Куда идти? Что делать? Раф просто взял и исчез, не сказав ни слова. В кармане телефон кажется единственной ниточкой, связывающей с этим враждебным миром.

Достаю его, уже готовая набрать номер брата, но не успеваю даже разблокировать экран. Меня сзади резко, почти грубо толкают в плечо. Телефон выскальзывает из пальцев, описывает в воздухе дурацкую дугу и с противным щелчком падает на каменный пол.

— Нашла, где встать, баррикаду устроила, — раздается сзади недовольный, натянутый женский голос.

Я оборачиваюсь и вижу лишь спину, яркую джинсовую куртку и рожки из волос.

— Осторожнее можно? — вздыхаю я ей вслед, но голос звучит тихо и жалко.

Она даже не оборачивается, подходит к двери деканата, из которой я только что вышла, и без стука, с видом полной хозяйки, исчезает за ней.

На глаза предательски наворачиваются слезы от обиды и бессилия. Я наклоняюсь, поднимаю телефон. По экрану, от верхнего угла, расползается мерзкая паутина трещин, но телефон работает. Вот черт. Просто черт.

Психанув, сжимаю его в руке и иду куда глаза глядят, просто чтобы двигаться. Спускаюсь по лестнице на первый этаж, в холл и почти сразу вижу брата.

Рафаэль стоит около входа с каким-то парнем. Они курят, парень что-то оживленно рассказывает, жестикулируя, а Раф слушает, задумчиво выпуская дым. Солнечный свет падает на его профиль, и я невольно отмечаю, что даже сейчас, хмурый и невыспавшийся, он все равно выглядит... эффектно. Как картинка из глянца.

Вздыхаю, собираю всю свою волю в кулак, и иду к ним. Останавливаюсь в шаге от Рафа, не зная, как начать.

Парень замечает меня первым. Его взгляд скользит по мне с любопытством.

— О, какая малышка, — растекается в улыбке. — Ты чья такая?

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но меня опережает Раф. Он, не глядя на меня, цедит сквозь зубы, почти не разжимая их: — Моя.

У меня перехватывает дыхание. Сердце делает в груди

нелепый, дурацкий кувырок. Но через секунду брат добавляет, разбивая вдребезги это странное, мгновенное заблуждение:

— Сводная.

— А-а-а, — тянет парень и многозначительно поднимает брови, переглядываясь с Рафом. — Та самая.

Мне становится не по себе. Неприятно. Я не понимаю, о чем они, но по их лицам читаю, что обо мне уже успели что-то сказать, и вряд ли что-то хорошее.

Парень протягивает руку.

— Артем Туземский. Можно просто Туз.

— Лапина Таисия, — пожимаю его ладонь. Моя рука кажется мне маленькой и слабой в его крупной ладони. — Можно просто Тася.

Артем скалится, его улыбка кажется какой-то хищной, оценивающей. Я не понимаю, почему. Раф стоит мрачнее тучи, его взгляд скрыт за темными стеклами очков.

— Закончила? — бросает мне, наконец поворачивая голову.

— Да, но... ты же хотел показать мне... — неуверенно напоминаю я.

— В другой раз, — отрезает он, отведя взгляд.

— Но, Раф...

— Потом, я сказал. Такси ждет.

Сдаюсь. Что я еще могу сделать? Молча поворачиваюсь и иду к выходу с территории. Он, лениво попрощавшись с

Туземским, следует за мной.

— Раф! Ты куда? — звонкий женский голос догоняет нас около машины. — Подожди!

Я оборачиваюсь и вижу, как к нему бежит та самая девушка из деканата. Та, что толкнула меня и разбила телефон.

Глава 7. Рафаэль

— Раф! Ты куда? — звонкий, намеренно сладкий голос режет слух. — Подожди!

Внутренне я закатываюсь. Вот только не это, только не сейчас. Но все же оборачиваюсь, уже зная, кого увижу. Эмилия Туземская. Так хотелось скрыться до того, как она меня увидит. Не вышло, а все из-за... метаю злой взгляд в Букашку.

Мили бежит к машине, легкая, стремительная, с улыбкой, в которой слишком много уверенности и вызова. Ее светлые волосы развеваются на ветру. Я чувствую, как мышцы на спине напрягаются сами собой. Конфликт на подходе. Ненавижу эти игры.

— Я тебя как раз ищу! — Эмилия останавливается рядом, слегка запыхавшись, и кладет руку на дверцу такси, будто боясь, что я сейчас сорвусь. Ее тон капризный, собственнический. — Ты что, моих сообщений не видишь?

В этот момент я, против воли, отмечаю про себя, что выглядит она... эффектно. Чертовски привлекательно. Облегающая куртка подчеркивает стройную, отточенную в спортзале фигуру. Лицо с правильными чертами, губы, чуть тронуты бесцветным блеском. Но вся эта красота лишь усиливает раздражение. Мили знает, что хороша, и использует это как дубину, а я терпеть не могу, когда на меня давят.

И главное — она сестра Туза. Артем мне друг, а связываться с сестрой друга — это табу, верный способ взорвать всю нашу компанию и получить по шее от самого Туземского.

— Эмилия, я занят, — стараюсь, чтобы голос звучал ровно и холодно. Смотрю куда-то поверх ее головы. — Новый семейный треш. Не до тебя.

Я всем видом пытаюсь показать, что разговор окончен. Но Эмилия не из тех, кто сдается легко. Ее взгляд скользит мне за спину, выискивая причину моего отказа. И моментально находит. Цепляется за фигурку Букашки, притихшей в машине. На губах Мили появляется язвительная, снисходительная усмешка.

— О, это кто? — она бросает на меня взгляд, полный фальшивого удивления. — Твоя новая? Серьезно, Раф? Ты скатился до серых мышек, пока я была в отъезде?

Я вижу, как сводная буквально сжимается, стараясь стать еще меньше. Ее пальцы белеют, сжимая телефон. И что-то древнее, животное, шевелится у меня внутри. Это не благородство. Нет. Это примитивное чувство собственности. Мое. Это моя проблема, моя обуза, моя Букашка. И только я имею право ее обижать и унижать. Остальные не смеют даже смотреть на нее косо.

Я поворачиваюсь к Эмили, и слова вылетают сами, резкие, пропитанные ледяной злостью, прежде чем мозг успевает их остановить.

— Заткнись, Мили. Это моя сестра, будь добра ее уважать!

Воздух вокруг застывает. Глаза Эмилиии округляются от неподдельного шока. Она явно не ожидала такого. «Сестра». Это слово висит между нами, тяжелое и абсолютно нереальное. Я и сам не верю, что это сказал я. Тот, который еще вчера клялся, что никакой сестры у нет и быть не может.

Краем глаза я вижу, как вздрагивает Букашка, но мне не до нее. Пользуясь замешательством Эмилиии, я резко разворачиваюсь и сажусь в машину. Ловлю взгляд водителя в зеркале заднего вида.

— Поехали! Быстро!

Такси срывается с места, оставляя на тротуаре ошеломленную Эмилиию с открытым ртом. В салоне гробовая тишина. Давящая. Слышно только, как стучит мое сердце о ребра. И в висках пульсирует одна мысль: что, черт возьми, я только что натворил?

Я назвал Букашку сестрой. Перед Эмилией Туземской. Эта сплетница разнесет новость по всему универу еще до вечера. Все будут ржать и задавать дурацкие вопросы. Я нарушил все свои же правила. Ради кого? Ради этой серой, ничтожной...

Пытаюсь найти оправдание. Это не ради нее. Противно было слушать этот визг. И связываться с Эмилией себе дороже. Так было проще всего ее отшить.

Но это ложь. Глупая и прозрачная. Я мог просто уехать,

не обращая на нее внимания. Мог нагрубить сильнее, но не связываться в это. Я выбрал самый худший, самый неподходящий вариант. И выбрал его именно для того, чтобы защитить Букашку.

От этой мысли становится еще гаже. Мне нужно вернуть контроль. Нужно все исправить, поставить сводную на место. Снова стать тем, кем я был минуту назад — тем, кому на нее плевать.

Я не смотрю на нее, уставившись в окно на мелькающие улицы. Голос звучит хрипло, намеренно грубо.

— Не лсти себе. Сказал первое, что в голову пришло, лишь бы эта дура отстала. Забудь.

Жду, что она вздохнет или скажет что-то жалкое, что даст мне повод снова на нее наброситься. Вернуть все на круги своя. Вместо этого тишина.

Краем глаза вижу, как Тася просто отворачивается к своему окну. Не огрызается, не обижается, не пытается что-то доказать. Она просто... принимает, как данность. Ее спокойствие — плотная, непробиваемая стена.

А во мне все сжимается в один тугой, яростный комок. Мое оружие не работает. Сводная обезоруживает меня своей пассивностью. Я отворачиваюсь, стискиваю зубы. Такси везет нас по знакомым улицам, а я сижу и понимаю, что полностью потерял контроль. Над ситуацией и собой, я совершаю поступки, которые не могу объяснить даже самому себе.

Откидываюсь на спинку и прикрываю глаза. Головная

боль, похмельная и раздраженная, пульсирует за висками. Весь этот день сплошной провал. И виной всему тихоня у окна, которая умудрилась растянуть поход в деканат на полдня.

Достаю телефон и набираю отцу сообщение. Коротко, ясно, без эмоций. Как он любит.

«В деканате были. Документы подали».

Отправляю и жду его лаконичного «Хорошо», а еще возможности получить «вольную». Телефон почти мгновенно вибрирует в руке. Удивленно смотрю на экран. Не ожидал такого скоростного ответа. Может, все-таки оценил мою «сознательность»?

На экране расплывается целое полотно текста. Впиваюсь глазами.

«Спасибо. Возник форс-мажор. Переговоры зашли в тупик, сейчас ищем компромисс. Подпишем и сразу выедем. Пока не ясно, может, завтра, может, через пару дней. Присмотри за Тасей».

Сначала мозг отказывается воспринимать смысл. Слова пляшут перед глазами, складываясь в один четкий посыл — твой кошмар продлен на неопределенный срок.

В ушах начинает звенеть. Кровь резко отливает от лица, а потом приливает обратно, горячей, ядовитой волной. В висках начинает стучать с новой, молоточковой силой. Не день. Не два. Незнание. Бесконечный тоннель без света в конце.

— Твою мать! — хриплый, сдавленный возглас вырывается сам собой, больше похожий на стон.

Глава 8. Таисия

Я сижу, уставившись в свое отражение в стекле, стараясь дышать ровно и не привлекать к себе внимания. Кажется, я задержала дыхание, как только сводный сел в машину. Весь его гнев, вся ярость физически ощутимы, как горячая волна, исходящая от него.

Раф смотрит в телефон, и я вижу, как его пальцы сжимаются так, что костяшки белеют. Он бормочет ругательство, низкое и злое. Мое сердце замирает. Медленно поворачивает голову, взгляд тяжелый, раскаленный скользит по мне.

— Ну что, — его голос хриплый. — Мечта сбылась? Ты остаешься со мной на неопределенный срок. Можешь радоваться, когда еще представится возможность побесить меня вдоволь.

Я оборачиваюсь, не понимая.

— Что? — это все, что я могу выдать из себя.

— Отец, — он выплевывает это слово. — Задерживает-ся. На день, на два, на неделю... Хрен его знает. У них там «форс-мажор», а я должен терпеть весь этот цирк. Довольна? Экскурсией по универу насладились? Готова к долгосрочным совместным проектам?

Я не могу ответить и просто смотрю на него. В его глазах я вижу злость, а отчаянье и ужас сковывают меня. Я молча отворачиваюсь к окну. Я же не виновата, что все так. Но раз-

ве Рафу это интересно? Он уже назначил виновных.

В квартире мы, не сговариваясь, расходимся по разным комнатам. Я захожу к себе, закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Неопределенный срок. Что мне делать? Как себя вести дальше? Просто отсидеться и перетерпеть уже не получится... Неизвестно, на сколько все это затянется. Я совсем не готова к такому развитию событий.

Потеряв счет времени, отрешенно сижу на кровати, обняв колени. Вздрагиваю от звонка в дверь. Сердце екает. Слышу, как Раф идет открывать, а потом голоса... мужской... и женский.

— Букашка! — раздается голос Рафаэля из коридора. Не злой, а скорее уставший. — Иди сюда.

Я? Зачем?! Ноги ватные, но нужно идти. Я медленно открываю дверь и выхожу.

В прихожей стоит Тихомир. Я помню его, это друг сводного. Они вдвоем издевались надо мной. Но сейчас, увидев меня, он широко ухмыляется.

— Ничего себе! Леди Баг? Да ну нафиг! — присвистывает, обводя меня взглядом. — Выросла, что сказать. Я бы не узнал. Из гадкого утенка в... ну, почти в лебедя.

Это комплимент? Или он снова издевается? Мне хочется провалиться сквозь пол. Я чувствую, как краснею до корней волос.

Рядом с ним девушка. Невысокая, с темными волосами до плеч и теплой, искренней улыбкой. Она бьет Тихомира по

плечу.

— Тих, хватит! Извини, он всегда так... По комплиментам твердая тройка. Я Илиана, его совесть и полиция нравов.

— Привет, — я неловко киваю. — Я Тася.

— Идемте чай пить, что ли, — раздается голос Рафа, я даже не заметила, как он ушел в кухню.

Мы идем на кухню и садимся за стол. Молчание повисает тягучее и неловкое. Тихомир смотрит то на Рафа, то на меня с хитрой ухмылкой.

Илиана вдруг поворачивается ко мне.

— А покажи свою комнату? А то эти двое сейчас про хоккей заговорят или новую аранжировку начнут обсуждать, я в этом ничего не понимаю. А мы с тобой лучше о своем, о девичьем поболтаем.

Я с облегчением киваю.

— Конечно, пойдем.

Мы уходим в мою комнату. Я закрываю дверь, и кажется, что напряжение немного спадает.

— Ничего себе вид! — искренне восхищается Илиана, глядя в панорамное окно. — Прямо как картинка. Очень красивое сегодня небо, скажи?

— Да, вид..., — я неуверенно улыбаюсь. — завораживающий. Правда, высота немного пугает. Особенно в лифте! Я даже дышать забываю там от страха.

— О, я понимаю. Высоты боишься? — она легко говорит это и садится на ковер, показывая место рядом с собой. Я

киваю и осторожно опускаюсь, удивленная ее прямоотой.

— Ты извини, что мы так вломились, — продолжает Илина. — Тихомир просто сказал, что Раф какой-то груженный, вот и заскочили проведать. А ты надолго приехала?

Я вздыхаю.

— Да... пока не знаю. Сергей Михайлович... отчим... задерживается в командировке.

— Ох, понимаю. Нелегко, да? — она смотрит на меня с таким пониманием, что у меня неожиданно комок подступает к горлу. — Раф, конечно, видный парень, но характер... А еще корона давит, никак никто лопатой не собьет!

— Да уж, — я тихо соглашаюсь. — Корона — это мягко сказано.

— А ты... из Питера? — переводит она тему.

— Да, из-под... училась в интернате там.

— О, правда? — ее глаза загораются неожиданным интересом. — А я в детском доме там была. Ты не оттуда?

Я смотрю на нее с растущим удивлением. Ее тон такой простой, будто она спрашивает про обычную школу.

— Нет... я в «Царскосельском лицее» была. Элитный интернат.

— Ого! — без тени зависти, скорее с любопытством. — С парковыми аллеями и портретами царей? Мы мимо вас на соревнованиях бегали. За забором как за железным занавесом. А что, пускали иногда простых смертных поглядеть? Или вы в самоволку бегали?

Ее вопрос такой прямой и доброжелательный, что я не могу обижаться.

— Нет, — я качаю головой, чувствуя неловкую улыбку на своих губах. — Не пускали... И не бегали. Считалось, что мы можем плохому научиться.

— Правильно считали, — она подмигивает. — Я бы тебя точно научила по водосточным трубам лазить и из кухни яблоки воровать. У нас это искусством было.

Я смеюсь. Неожиданно, тихо, но искренне.

— Яблоки у нас в свободном доступе были всегда. А за прогулки ночью по парку могли стипендии лишить.

— Ну, мы стипендию и так не видели, — легко парирует она. — Зато свобода! Хотя и в четырех стенах. А вас хоть кормили хорошо? У нас каша вечная да макароны с сосиской по праздникам.

— Кормили... как в ресторане, — признаюсь я. — здоровое питание, все дела. Но иногда так хотелось обычной жареной картошки... с котлетой из столовой.

— Вот! — она торжествующе хлопает себя по коленке. — А я как раз мастер по картошке была! Мы на костре ее запекали, вернее, в углях. А потом ели и возвращались все перепачканные углем. Влетало, конечно, по первое число! Зато есть, что вспомнить. Да и с голоду не умру, если что.

Я смотрю на нее, на ее живые, смеющиеся глаза, и чувствую, как лед внутри тает. Ее история так не похожа на мою, но в ней та же тоска по чему-то простому и настоящему.

— Знаешь, — говорю я тихо. — А я бы тоже, наверное, хотела попробовать такую картошку...и углем перепачкаться... И по водосточной трубе тоже... Если бы не боялась высоты.

— Ничего, — Илиана улыбается. — Я тебя научу. Начнем с малого. С этого твоего лифта, например.

И я снова смеюсь. Впервые за эти дни. Этот лучик в бесконечном тоннеле неизвестности оказался детдомовской девочкой по имени Илиана, которая не боится говорить правду и так искренне общается. И в этом есть какая-то особая свобода.

— Слушай, мы завтра с подругой собрались в торговый центр, — внезапно говорит Илиана. — Хочешь с нами? Погуляем, в кино ходим. Будет весело!

Глава 9. Рафаэль

Наливаю нам с другом кофе и добавляю в него коньяк. Может хоть немного отпустит. Голова до сих пор квадратная, а внутри все неприятно вибрирует.

— М-м-м, фирменный рецепт? — хмыкает Тихомир, вдыхая аромат, исходящий от чашки.

— Ага, покойной бабушки, — усмехаюсь я и присаживаюсь напротив.

Пью кофе и щурюсь от удовольствия. Хотя что-то реально приятно за сегодняшний день.

— Что, на счет вечеринки? Последние выходные перед началом учебного года. Будет жарко.

— Я еще от прошлой не отошел, — недовольно морщусь.

— Говорят, первокурсниц в этом году пруд пруди.

— Первокурсницы... Надоели еще в прошлом году своими восторженными глазками.

— Ага, вижу, как тебе надоели, — стебется Тихир. — Но я, пожалуй, пас.

Я поднимаю бровь.

— Серьезно? Ты отказываешься от бесплатного сафари? С тобой все в порядке?

— Со мной все лучше некуда, — друг расплывается в самодовольной ухмылке. — У меня теперь своя первокурсница. Постоянная. И она мне вполне заменяет весь первокурс-

ный поток.

— Когда мой друг успел стать каблуком? — закатываю глаза с преувеличенным отвращением. — Тебя не подменили?

В этот момент из-за закрытой двери доносится сдержанный, но очень звонкий смех Букашки. Я никогда не слышал, чтобы она так смеялась. Легко и беззаботно. Он странно цепляет за что-то внутри, режет слух. Я невольно вздрагиваю, но стараюсь скрыть эту дурацкую реакцию.

Тихомир все равно замечает. Его взгляд становится пристальным, хитрющим.

— Ага... — тянет он многозначительно. — Подменили, говоришь...

Я пожимаю плечами, делая равнодушное лицо.

— Твоя сводная, — ухмылка Тиха растягивается. — Я правильно уловил, что ты аж вздрогнул, когда она засмеялась?

Кровь ударяет в виски. Черт. Он подловил меня.

— Ты что, совсем идиот? — мой голос звучит резче, чем нужно. Я встаю и отхожу к окну, чтобы не видеть ехидной рожи друга. — Просто неожиданно было. Она обычно тише воды.

— Конечно, конечно, неожиданно, аж передернуло всего. Раф мы знакомы с детства, — Тихомир поднимается, его голос пропитан сарказмом. — Ладно, братан, не буду мешать твоим... ну, в общем, не буду мешать. Звони если что...

Он забирает Илиану и вместе они уходят, провожая до двери. Щелкает замок, и тишина обрушивается на квартиру. А у меня в ушах все еще звенит этот беззаботный смех.

Захожу в свою комнату, хватаю гитару и падаю на кровать. Стараюсь наиграть что-то тяжелое, агрессивное, чтобы заглушить все внутри. Но пальцы не слушаются. Аккорды звучат фальшиво, мелодия не клеится. Я бросаю гитару на кровать. Букашка жутко триггерит. Сидит там, за стеной. И дышит. И просто существует.

Я сам не понимаю, что именно меня так бесит. Ее присутствие? Ее навязчивая тишина? Или этот дурацкий смех, который врезался в память?

Оставляю гитару на кровати, сам встаю и выхожу из комнаты. Иду по коридору и останавливаюсь у ее двери. Прислушиваюсь, оттуда доносится тихий, монотонный голос. Она с кем-то разговаривает? По телефону? С кем это она может болтать?

Я резко толкаю дверь, она распахивается. Букашка сидит на кровати, склонившись над тетрадкой. Вздрагивает и резко захлопывает ее, прижимая к груди. На щеках вспыхивает румянец.

— Что? — выдает она испуганно.

— Что ты делаешь? — спрашиваю прямо.

Я окидываю ее презрительным взглядом.

— Стихи... пишу...

Заикается от волнения и не смотрит на меня, а мне хо-

чется максимально закатить глаза, буквально отправить их в космос. Стихи? Seriously? Да это кринж какой-то!

— Детские бредни, — бросаю сквозь зубы и, разворачиваясь, ухожу, громко хлопнув дверью.

Но ночью любопытство берет верх и не дает уснуть, я все же возвращаюсь в комнату сводной. Тишина и темнота, Букашка спит, а ее тетрадь лежит на столе, прикрытая учебником. Я не могу удержаться, беру ее и ухожу на кухню.

Включаю свет и сажусь за стол. Листаю страницы, исписанные ровным красивым почерком. Стихи, глупые, наивные, о боли, одиночестве, о том, как больно быть чужой и ненужной. О том, как приходится прятаться за маской безразличия. О безответной любви и буллинге. Строчки кривые, неопытные, но в них... черт возьми, в них есть что-то. Что-то цепляющее. Что-то, что задевает изнутри.

Мне неожиданно нравится, как она пишет. Это действительно красиво и со смыслом. Но ей я, конечно, об этом не расскажу. Ни за что!

Я швыряю тетрадь на стол, как обожженный. Что это было? Почему эти дурацкие строчки вдруг отозвались где-то глубоко? Меня бесит слабость Букашки. Ее уязвимость. И бесит еще сильнее то, что мне не все равно. А мне должно быть безразлично! Я так решил!

Отношу эту убогую тетрадь на место, на пару мгновений цепляюсь около кровати Букашки, рассматривая, как она спит и бесшумно удаляюсь. Что за дичь я творю? Зачем?

Не сплю почти всю ночь. Ворочаюсь, пытаюсь найти себе места, но не получается. Злость на Букашку, на отца, на себя медленно переваривается внутри, не находя выхода. Меня буквально распирает изнутри. Но все же каким-то чудом удается отрубиться под утро.

В результате просыпаюсь к обеду и с тяжелой головой. В квартире неестественно тихо. Слишком тихо. Я выхожу в коридор и прислушиваюсь — ни звука. Дверь в комнату Букашки закрыта, заглядываю — внутри пусто.

В смысле? Где Букашка?

Мысль проносится мгновенно, острая и неожиданно тревожная. Хочется узнать сейчас же, сию секунду, но я стискиваю зубы. Нет. Ни за что. Пусть хоть к черту провалится. Звонить ей я не собираюсь.

Глава 10. Таисия

С уходом Илианы в квартиру возвращается привычное напряжение, ставшее за последнее время таким же обычным, как дыхание. Но эти несколько минут с ней были словно глоток свежего воздуха в душной комнате. Что-то внутри перевернулось, защемило, забилося в беспокойном ритме. Руки сами тянутся к старой тетрадке в сиреневой обложке — единственному месту, где можно быть собой. Слова, горячие и неотложные, сами ложатся на бумагу, выстраиваясь в нервные, неровные строчки.

Пишу и перечитываю несколько раз, чтобы поймать ритм и рифму. Получается не сразу, приходится исправлять и переставлять, но постепенно я погружаюсь в этот мир настолько, что теряю связь с реальностью.

Вдруг дверь с грохотом распахивается, впуская в мое уединение Рафаэля.

— Что ты делаешь? — его голос звучит резко и безапелляционно.

— Стихи... пишу... — выдыхаю, оглушенная его появлением, и тут же внутренне сжимаюсь. Надо было соврать, но теперь поздно.

— Детские бредни! — рычит он с ледяным презрением, разворачивается и выходит, хлопнув дверью.

Вжимаюсь в подушки на кровати. Что это было? Почему?

Обычная тетрадь вызвала у него такую ярость? Вдохновение, такое хрупкое и желанное, испарилось в одно мгновение, оставив после себя горький осадок и ком в горле.

Откладываю тетрадь и забираюсь под одеяло, надеясь согреться. Но мысли, острые и навязчивые, роем кружатся в голове, не давая забыться.

Утром я стараюсь быть тише воды, ниже травы. Прокрадываюсь на кухню, пока Раф еще спит, завариваю чай и сбегая обратно в свою комнату, как преступник. Сажу за книгой, стараясь не шуметь и не попадаться на глаза брату. Это его территория, его крепость, а я здесь — незваный гость. Временный и явно лишний.

Тишину разрывает телефонный звонок. Вздрагиваю от неожиданности, но, увидев на экране имя «Илиана», невольно улыбаюсь.

— Тася, привет! Ты готова? Не забыла, что мы сегодня идем в ТЦ? Через двадцать минут ждем тебя у метро!

Как я могла забыть! Это же мой спасательный круг!

— Я уже выхожу! — почти выдыхаю в трубку и буквально вылетаю из квартиры, чувствуя, как с плеч падает тяжелый груз. Даже дурацкий лифт не кажется жуткой пыточной.

У метро меня уже ждет Илиана, а рядом с ней высокая стройная девушка. Ее длинные светлые волосы убраны в идеально гладкий хвост, крупные сережки-кольца, безупречный макияж с четкими стрелками. На ней огромный винтажный свитер, сползающий с одного плеча, и простые, но без-

упречно сидящие джинсы.

— Тася, это Аня, — с улыбкой произносит Илиана, ловя мое вопросительное выражение лица.

Аня оценивает меня быстрым, но дружелюбным взглядом, и ее лицо расплывается в открытой, обаятельной улыбке.

— Очень приятно, — голос у нее оказывается таким же теплым и уверенным, как и вся она. — Иля много о тебе рассказывала. Ты, кажется, недавно приехала? Как тебе Москва?

— Пока страшновато, — признаюсь я, с любопытством разглядывая пеструю толпу у метро. — Все такое большое и чужое. Кажется, что затеряешься и никто не заметит.

— Расслабься, привыкнешь! — ободряюще улыбается Аня, поправляя свой идеальный хвост. — Москва она такая. Сначала давит, а потом подкидывает самых лучших людей. Главное найти свою стаю.

— Ага, — подхватывает Илиана, — мы тебя в обиду не дадим. Кстати, Ань, Тасю к нам в универ занесло! Правда на первый курс.

— Seriously? Офигенно! — восклицает Аня, и ее глаза хитро сверкают. Явно знает про мою ситуацию с родителями и Рафом. — Кстати, у меня в общежитии как раз освободилось место в комнате. Предыдущие соседки съехали — одна... не важно, вторая нашла себе богатого мальчика и живет у него, — толкает Илиану плечом. — Хочешь пороху за тебя? Пред-

ставляю, как ты будешь делить с кем-то душ и готовить «Дошник». Гламурная жизнь, детка!

— О да, я уже представляю, как буду хранить свой «Шанель» в шкафу с тараканами, — парирую я. — Обязательно подумаю над этим царским предложением. Обещаю.

Мы переглядываемся и заливаемся смехом, который сразу стирает остатки неловкости. Это смех над абсурдом ситуации, и он делает нас еще ближе.

Торговый центр оглушает меня какофонией, гул голосов, зазывные джинглы из магазинов, громкая музыка. После гнетущей тишины квартиры Рафаэля это как прыжок с парашютом прямо в эпицентр жизни. Мы с девочками болтаем обо всем на свете, зависаем в отделе с косметикой, меряем дурацкие оверсайз-худи и ушастые шапки, делая селфи на память. Аня, к моему удивлению, оказывается еще и заядлой книгоманкой.

— Короче, у нас в универе есть литературный кружок, — рассказывает она, пока мы выбираем пиццу в фуд-корте. — Такой неформальный движ. Тусуемся по пятницам, читаем друг другу свой креатив: кто стихи, кто прозу, кто даже песни свои поет. Спорим до хрипоты, пьем чай с печеньками и разбираем по косточкам новинки. Тебе надо обязательно зайти, тебе точно понравится!

Я киваю, и внутри что-то теплеет и расправляет крылья. Место, где говорят о книгах. Где можно быть собой. Где ценят стихи, а не называют их «детскими бреднями».

После еды мы заказываем огромные стаканчики с мороженым. Я беру фисташковое, Иля клубничное, Аня с вызовом выбирает тройной шоколад. Устраиваемся у панорамного окна, за которым кипит вечерний город. Надо же, как быстро пролетело время.

Холодная сладость тает на языке, смех подруг греет изнутри, и я ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время чувствую себя на своем месте. Не незваной гостьей, а просто девчонкой, которая болтает с подругами. Это чувство бесценно.

— Кстати, о тусовке, — оживляется Илиана, и ложка с мороженым замирает у ее рта. — Ребята уже всю готовятся к концерту. Говорят, будет жарко!

— Да, я сама жду не дождусь, — смеется Аня, но в ее глазах мелькает быстрая, словно условный сигнал, искорка, обращенная к Иле. — Группа у них просто огонь. Но выступают в основном для своих, в узком кругу.

— Концерт? — переспрашиваю я, чувствуя себя немного не в теме.

— Ага, — кивает Илиана, и они с Аней снова многозначительно переглядываются. — В эту субботу. В клубе недалеко от универа. Ты, конечно, идешь с нами. Это практически обязательно для первокурсницы! Тебе нужно это увидеть. А потом будет вечеринка.

Я неловко отвожу взгляд, ковыряя ложечкой растаявшее мороженое.

— Меня не звали... Я же никого толком не знаю.

— Да брось! — машет рукой Илиана, слишком бодро и сразу. — Считай, что это личное приглашение от меня. Официальное! Все свои будут, ты точно вступишься.

— Правда, приходи, — мягко, но настойчиво поддерживает Аня. Ее тон звучит как уговоры опытного вербовщика. — Посмотришь на наших местных знаменитостей. Особенно на солиста и клавишника... — она делает многозначительную паузу, — они, между прочим, очень даже ничего собой. Глаз не оторвать.

— Ой, ну солист, — с легкой дрожью в голосе вступает Илиана, делая вид, что проверяет телефон, но я вижу ее смущенную улыбку. — Тот еще недотрога, он... э-э-э... глубоко занят. А вот клавишник, кажется, пока свободен. Во всяком случае, на концертах активно флиртует со всеми подряд фанатками. Полный хаос и разврат, — она закатывает глаза, но это сказано с такой теплотой, что не верится ни в какой хаос.

Есть небольшое ощущение, что девчонки что-то не договаривают. Но я отмахиваюсь от этого чувства. Слишком уж заманчиво звучит возможность оказаться в другой реальности, где есть музыка, друзья и никакого сводного!

— Звучит как настоящее приключение, — улыбаюсь я, чувствуя, как поддаюсь их заразительному энтузиазму.

Мы еще долго болтаем, перебрасываемся названиями любимых книг, делимся плейлистами, строим наполеоновские планы на учебу. Я все еще чувствую себя легко и свободно, а

не как незваная гостья на чужом празднике жизни. Как будто наконец-то отыскала своих людей, с которыми можно быть собой.

А потом мы идем в кино. Какой-то дурацкий комедийный боевик, во время которого мы больше хохочем над своими комментариями, чем над шутками с экрана, и беззастенчиво делимся одним огромным ведром попкорна на троих.

После сеанса мы еще долго не расходимся, а зависаем у входа в метро, договариваемся созвониться завтра и обязательно встретиться на неделе.

Я возвращаюсь домой поздно, с приятной мышечной усталостью в ногах и теплым, сладким ощущением внутри, что день прошел не зря. Город светится огнями, и они кажутся мне уже не чужими, а какими-то... зазывающими. В кармане телефон взрывается от новых мемов и фоток в общем чате, а я чувствую себя почти счастливой. В голове сами собой крутятся планы, а может быть, действительно, стоит сходить на тот литературный кружок... Или даже на тот самый концерт... и кто знает, может и влюбиться в этого крышесносного клавишника.

С глупой, сияющей улыбкой на лице я открываю дверь в квартиру и застываю на пороге как вкопанная. Меня накрывает с головой. Не просто шум, а стена оглушительного, грохочущего звука. Бас бьет по стеклам, смех перекрывает музыку, гул десятков голосов сливается в один. Воздух густой, сладковато-горький, пахнет крепким алкоголем и чужими,

навязчивыми духами. В гостинной настоящее людское меси-
во.

Мое недавнее легкое, почти счастливое настроение растворяется без следа, сменяясь леденящим, животным ужасом чужого на моей территории. Я пытаюсь стать невидимкой, проскользнуть к своей комнате вдоль стены, но меня замечают. На меня оборачиваются любопытные, немного стеклянные взгляды незнакомцев. Я чувствую себя пришельцем, забредшим на чужой праздник.

И тут мой взгляд натывается на Рафаэля. Он стоит в центре самой шумной компании, с бутылкой пива в руке, что-то рассказывает, жестикулируя, и широко, по-настоящему улыбается. Его взгляд скользит по мне, задерживается на секунду, и улыбка мгновенно сползает с его лица, сменяясь холодной маской раздражения.

Он что-то говорит собеседникам и идет ко мне. Сжимаю кулаки и чувствую, как ногти впиваются в ладони.

— Ты где шлялась? — накидывается на меня.

— Я что должна отчитываться? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Пока живешь в моем доме, обязана! — цедит сводный сквозь зубы, а взглядом сжигает меня заживо.

— Раф... — мой голос дрожит, но не от страха, а от попытки сдержать кипящую внутри ярость. — Что это такое? Ты мог хотя бы предупредить! Я бы... я бы не вернулась!

Он смотрит на меня свысока, с тем привычным, до боли

знакомым презрением.

— О предупреждениях договоримся, когда ты начнешь платить за аренду, — его голос шипит, как змеиный, и режет слух. — Пока что это моя квартира. И я могу делать здесь что хочу и когда хочу. Не нравится — вон дверь.

Что-то во мне обрывается с тихим щелчком. Вся боль, все унижения этих дней, вся несправедливость его отношения поднимаются комом в горле, жгучими слезами к глазам. Я не думаю. Я просто говорю, глядя ему прямо в глаза, и мой голос впервые не дрожит, а звучит четко, металлически-громко, на грани крика:

— Знаешь что? Я твоя сестра, нравится тебе это или нет! А не невидимая прислуга, которой ты даже не удосуживаешься кинуть сообщение!

Вокруг на секунду замолкают, несколько пар глаз с интересом устремляются на нас. Лицо Рафаэля искажается от чистой, немой ярости. Но я не жду ответа. Разворачиваюсь и иду к своей комнате, не бегу, а именно иду. Вхожу и громко хлопаю дверью так, что содрогается стена. Я падаю на кровать, втыкаю шумоподавляющие наушники и выкручиваю громкость на максимум, чтобы заглушить жестокие мысли, что кружатся в голове.

Глава 11. Рафаэль

Стою посреди коридора, и по спине бегут мурашки, но не от страха, нет. От чистой, концентрированной ярости. Букашка посмела повисить на меня голос. Посмела огрызнуться. Ее слова до сих пор этом звенят в ушах

«Я твоя сестра».

Из-за спины доносится сдавленный смех. Это Янис подавился пивом. Я медленно поворачиваю голову. На меня смотрят несколько пар глаз. Туз, Янис, еще пара ребят. В их взглядах отчетливо читается дикое любопытство и ухмылки, которые они пока с трудом сдерживают.

— Что это было? — наконец выдает Янис, вытирая подбородок. — Это та самая... клоповница твоя?

Ярость в груди закипает с новой силой, но я сжимаю зубы и игнорирую. Вдох. Выдох.

— Ничего, — выдыхаю я, делая максимально скучающее лицо и разворачиваясь к бару. — Пошумела и ушла. Расслабься, может у нее ПМС...

Я наливаю себе виски, залпом выпиваю. Горло приятно обжигает, но тишина вокруг начинает напрягать. А еще это взгляды мне в спину. Надо вернуть все как было.

— Чего замерли? Праздник продолжается! — кричу я через плечо, делая широкий жест рукой.

Какой только не знаю сам. Просто хотелось устроить пати,

чтобы заполнить пустоту внутри. А вышла какая-то лажа. И все из-за нее. Да чтоб ее, эту Букашку, задолбала!

Кто-то прибавляет звук. Смех и гул голосов постепенно возвращаются, но что-то не то. Все уже изменилось. Я ловлю на себе быстрые, любопытные взгляды. Парни перешептываются, обсуждают меня и ее. Бесит! Сделала из меня пошлости.

Ее слова звенят у меня в голове, как навязчивый джингл. «Я твоя сестра». И этот взгляд. Не испуганный, а наполненный огнем. В нем вызов, или презрение? Черт ее знает, но такой я Букашку не видел никогда.

Я замечаю, как кто-то проливает на барную стойку вискарь и дергаю плечами от раздражения. Чей-то дурацкий, истеричный хохот режет слух. Музыка, которую я сам выбрал, кажется примитивной и оглушительно тупой. Воздух спертый, пропитанный потом и алкоголем. Моя квартира, мое пространство словно загажены. Мне неуютно и гадко.

Я не могу больше.

— Всем спасибо, все свободны! — громко объявляю я. — Вечеринка окончена. Вам пора по домам.

Все замирают, смотрят на меня с непониманием.

— Да ладно, Раф, только разошлись...

— Я сказал, все! — я не кричу, но мой голос звучит твердо. — Забирайте свои вещи и валите.

Несколько минут неловкого молчания, бормотания, потом гости начинают нехотя расходиться. Кто-то пытается

шутить, но шутки повисают в воздухе. Я стою у двери и молча киваю, не глядя им в глаза.

Дверь закрывается за последним гостем и наступает тишина. Она оглушает и давит. Я остаюсь один среди хаоса. Пустые бутылки, смятые стаканчики, пятно на диване. Завтра придет клининг и наведет порядок, а сегодня... Наливаю себе еще выпить, закрываю двери гостиной и ухожу на кухню.

Медленно потягиваю виски и скролю ленту в социальной сети. Не вижу ничего, перед глазами так и стоит разъяренное лицо сводной. «Я твоя сестра». Почему эти слова не выходят из головы?

Я злюсь на нее за то, что испортила весь вечер. За то, что посмела так со мной разговаривать. Но также... и на себя. За то, что допустил это. За то, что потерял контроль над ситуацией. Над Букашкой и собой.

Мой взгляд падает на ее туфли. Дурацкие балетки, аккуратно поставленные у стены в прихожей. Рядом мои разбросанные ботинки. Контраст режет глаза.

В квартире полная тишина. Букашки не слышно, словно ее и нет. И почему-то это бесит еще больше. Что она там делает? Сидит и ненавидит меня? Планирует месть? Пишет очередной дурацкий стишок?

Я подхожу к панорамному окну. В темном стекле вижу свое отражение. Уставшее лицо. Глаза горят бессильной злобой. Я не узнаю себя. И тут приходит осознание. Простое,

очевидное, как удар по лицу. Букашка права по всем статьям. Она моя сводная сестра, а мое поведение... оно отвратительно. Я веду себя как последний ублюдок. От этой мысли становится физически плохо. Ярость смешивается с острым, едким стыдом.

Я не могу и не хочу по-другому. Букашка для меня никто, я никогда не признаю ее.

Хватит!

Залпом осушаю бокал и захожу в свою комнату. Включаю музыку погромче, чтобы заглушить этот адский внутренний диалог. Но даже сквозь грохот басов я слышу ее тихий, четкий голос в своей голове.

Я твоя сестра. Нравится тебе это или нет.

Я падаю на кровать и зажимаюсь, чувствуя себя в ловушке собственной ненависти, собственного упрямства и этих чертовых слов, которые, кажется, навсегда врезались в мой мозг.

Ставлю таймер на отключение и закрываю глаза. Отрубаясь почти мгновенно, а когда просыпаюсь за окном уже светло и дел сегодня по горло.

Душ, кофе и клининг. Через час приедут наводить порядок, но меня здесь уже не будет. Оплачиваю их услуги заранее, но, когда вхожу в гостиную замираю на пороге. Там чисто... Все блестит и ничего не напоминает о вчерашней попойке с друзьями.

В голове проносится мысль, что я схожу с ума, но быстро

ее отметаю и оборачиваюсь на комнату Букашки. Дверь закрыта. Ее самой не видать. Ну больше-то некому... Молодец она, конечно, но я не просил. Поэтому никаких благодарностей не будет.

Отменяю клининг, швыряю в сумку нужные провода и переходники и выхожу из дома. Меня уже ждут на репетиции. Единственное, что меня всегда спасало это музыка. Но сейчас и она кажется предательством.

Паркуюсь на стоянке около универа и поднимаюсь в выделенную нам под студию аудиторию. Здесь пахнет кофе и творчеством. Моя стихия. Туз уже барабанит, Тих настраивает гитару. А Янис завис в телефоне, на его лице блаженная, идиотская улыбка. Склеил кого-то опять.

— О, а вот и наш маэстро! — стебется Туз, продолжая отбивать ритм. — Как настроение, виртуоз?

Я бросаю сумку на пол. Она с грохотом съезжает к стене. — Отвали.

В студии на секунду повисает неловкое молчание. Тихомир поднимает на меня глаза.

— Кто испортил твоё доброе утро?

Я ничего не отвечаю, подключаю синтезатор, с силой втыкая штекер. Звук противно скрежещет в колонках.

— Ладно, начнем с того, что разучивали, — пытается взять ситуацию в руки Пашка, прагматик нашей команды. — У нас меньше недели до концерта.

Мы начинаем. И у меня ничего не получается. Пальцы де-

ревянные, я постоянно сбиваюсь с ритма, играю не в ту тональность. Каждая ошибка ощущается, как игла под ноготь.

После третьей попытки начать куплет с моего вступления Туземский с раздражением бросает палочки.

— Раф, ты вообще здесь? Или мы тебе просто аккомпанируем для галочки? У тебя там в башке все в порядке?

— А тебе-то какая разница? — огрызаюсь я, с силой ударяя по клавишам. — Играй себе свой бит и не лезь.

— Я лезу, потому что ты нас всех в говно топишь! — Туз вскакивает. — У нас концерт через несколько дней, а ты разучился играть!

— Может, у него причины есть, — негромко вступает Тихомир, перебирая струны. Его спокойный голос действует на нервы сильнее любого крика.

— Какие еще причины? — фыркает Павел.

— Вчера на вечеринке сводная устроила Рафу разнос, — Янис пожимает плечами, делая вид, что смотрит куда-то вдаль.

Воздух выходит из легких. Вот ублюдок.

Тихомир замирает с открытым ртом, его злость мгновенно сменяется диким любопытством.

— Чего? И что она тебе такого сказала?

— Хватит, это не ваше дело! А ты, — я поворачиваюсь к Янису, — закрой свой рот на замок и не неси херню, а то я сам тебе его запечатаю!

— А что я такого сказал? — Янис поднимает на меня спо-

койные глаза. — Просто констатирую факт. Может, поэтому у тебя руки из жопы сегодня растут?

Я делаю шаг к нему. В глазах темнеет от бешенства. Это все из-за этой серой, ничтожной Букашки, которая влезла в мою жизнь и все рушит. Даже музыку.

— Говорю же, не твое дело!

Тихомир резко встает между нами, упираясь ладонями мне в грудь.

— Остынь, Раф! Офигел что ли?

— Да он сам начал! — я пытаюсь оттолкнуть его, но Туз уже подхватывает меня под руку.

— Пацаны, да ладно вам! Концерт на носу, вы чего? — он тащит меня к выходу. — Раф, иди остынь. Подыши. Выпей воды. Потом разберемся.

Я с силой вырываюсь, но они уже вдвоем — Тихир и Туз — выпихивают меня из студии в коридор. Дверь захлопывается. Зашибись... Я остаюсь один в пустом, прохладном коридоре, дышу тяжело и прерывисто, как после спринта. Из-за двери доносится приглушенный грохот баса, конечно, они продолжили без меня.

Я разворачиваюсь и иду прочь. Просто иду, не зная куда. Мне нужно поймать равновесие, вернуть привычную маску холодной надменности, но не получается. Букашка всего за пару дней сумела поставить под удар все, что мне было дорого. Мой покой. Мою репутацию. Даже мою музыку. И я пока не знаю, что с этим делать.

Дорогие читатели! ♥#♥#♥# У меня новинка в смежном цикле. Истриоя про плохого мальчика Кота и его дерзкой мажорки Эмили (сестра Артема Туза). Приглашаю!

**
 Карма для БЭДБОЯ**

<https://litnet.com/shrt/t2IR>

— Ты что наделал? — девчонка налетает на меня. — Немедленно удали это видео!
 — Бегу и падаю, — усмехаюсь я. — Знаешь, сколько я на нем уже заработал?
 — Ты что, правда не врубаешься? Если мои родители увидят...
 — Давай только без пугалок, ладно? — лениво растягиваю слова. — Нормально все будет. Проблемы я решаю по мере поступления.
 — Какой же ты придурок, — шипит она и качает головой.
 А я почти чувствую, как от ее злости искрится воздух.
 — Взаимно, принцесса.

 Он — интернатский бэдбой, привыкший сам зарабатывать на жизнь и плевать на правила.
 Она — мажорка, у которой есть все, кроме свободы.
 Теперь они связаны скандалом, от которого не спрятаться ни в сети, ни в реальной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.